

И.Л. Судибор
(Мозырь, Беларусь)

В статье анализируется стихотворение А.С. Пушкина «Бесы» в контексте творчества поэта и как образец философской лирики 1830-х годов.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь темна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!
«Эй, пошел, ямщик!...» – «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться в доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» –
«Кто их знает? пень или волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет,
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались

Средь белеющих равнин.
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

Стихотворение А.С. Пушкина «Бесы» было написано 6 сентября 1830 года в первую Болдинскую осень поэта. Три месяца поэт провел в имении Болдино Нижегородской губернии. «Осень подходит... Это любимое мое время – здоровье мое обыкновенно крепнет – пора моих литературных трудов», – писал Пушкин. Болдинская осень ознаменовала собой самый плодотворный период в творчестве поэта. В августе 1830 года Пушкин отправился из Петербурга через Москву в Нижегородскую губернию, в родовое имение отца Болдино для принятия его в свое владение, отец подарил имение Пушкину в качестве свадебного подарка. Хозяйственными делами Пушкин не умел и не любил заниматься. Это у него было даже помимо его желаний. По настоящему заниматься он умел только поэзией. Так было и в этот раз. На пороге нового периода своей жизни Пушкин напряженно думает о будущем. Он желает семейного счастья, простых человеческих радостей и томится мрачными предчувствиями. В журналах литературная критика пишет об упадке таланта поэта, клеветает на него и даже унижает его человеческое достоинство. Травля поэта началась. Пушкин принял вызов, но борьба была неравной. Поэт пришел в отчаяние.

Эти мрачные настроения отразились и в лирике поэта. В период Болдинской осени было написано около 30 стихотворений, среди которых «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), «Бесы», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы...», «Что в имени тебе моем?», «Пора, мой друг, пора», «Герой» и «Заклинание», «Прощание». В этих произведениях все глубже начинает проявляться обостренное ощущение уходящего времени, стихи приобретают характер лирических переживаний, глубокого осмысления философских проблем человеческого бытия: смысла жизни, ее цели и, наконец, смерти.

Стихотворение А. С. Пушкина «Бесы» – образец философской лирики, результат трагических коллизий в духовной и творческой жизни поэта, одно из самых надрывно-безнадежных стихотворений поэта, в котором конкретный жизненный случай поднят на высоту громадных философских обобщений. Идея «Бесов» в классической и современной пушкинистике и сегодня вызывает литературную полемику. Так, М. Гершензоном была предпринята попытка истолковать стихотворение в аспекте автобиографического контекста: написано оно в 1830 году и ассоциируется с Болдинской осенью – холерой, семейными хлопотами поэта накануне свадьбы, с упадническим состоянием духа. Б. Мейлах отмечает, что стихотворение «и по замыслу, и по выполнению является конкретным изображением метели и связанных с нею переживаний путника и ямщика», используя «фольклорные мотивы, ничего символического в себе не содержит» [9, 11]. Б.П. Городецкий пишет о том, что «Бесы» – многоплановое произведение: «...Это в конечном счете – и стихотворение о себе, о своем месте в жизни, о своем отношении к окружающей действительности» [5, 379]. Глубоко исследовал произведение Д.Д. Благой. По его мнению, «Бесы» «соприкасаются с целым рядом пушкинских творений, в особенности лирических стихов, объединенных темой русской зимы» [3, 474]. Н.П. Капшай, анализируя пушкинский текст, приходит к выводу, что «путь постижения смысла целого в «Бесах» лежит через постижение созданного в стихотворении образа природы». Пейзаж в стихотворении выполняет несколько функций: «изобразительную – живописно рисует картину зимнего вечера; коммуникативную – активно включает в воссоздаваемый поэтический мир читателя; идейную – способствует оформлению авторской мысли; выразительную – выявляет отношение автора к миру» [6, 81].

Первоначальное название стихотворения – «Шалость», потом оно сразу же исчезает, и, переписывая стихотворение набело, Пушкин пишет – «Бесы». В «Словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова слово «бес» трактуется как злой дух в старых народных поверьях, что и обуславливает мифологический характер сюжета и образов стихотворения [10, 39].

В «Бесах» в иносказательной форме отразилась современная Пушкину историческая и литературная обстановка. В 30-е годы общество приходит к трагедийному ощущению истории, понимание прогресса становится все более пессимистичным. «Реализм промышленного» века обращившись фантастикой и абсурдом. Разделял такую мрачную оценку современного общества и Пушкин. Еще середина 20-х годов становится для поэта временем переосмыслений и переоценок. В стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» читаем: «*Наш век – торгаши; в сей век железный / Без денег и свободы нет...*»; «*Позвольте просто вам сказать: / Не продается вдохновенье, / Но можно рукопись*

продать...». Поэт недоволен современным состоянием русской литературы. В письме М.Н. Погодину 11 июля 1832 года находим: «Варварство нашей литературной торгавли меня бесит».

Многое в жизни было противостественным, но этот ход событий приходилось принимать. «Надежды славы и добра» не сбывались. Пушкин испытывает голод общения и духовное одиночество. Мир представляется темной клеткой, где нет просвета. Образы ущелья, темноты, тюрьмы возникают в стихотворении «Страшно и скучно», написанном в 1829 году. Поэт ощущает, что в «тишине» над его головою собираются тучи, что приближается беда. Все это мы находим в «Предчувствии» 1828 года. Стихотворение «Бесы», подготовлявшееся всем ходом духовного развития Пушкина конца 20-х годов, выражало не только сомнения и поиски столь трудной истины, но и известный итог этих размышлений и поисков.

Основная тема стихотворения – тема дороги – жизненного пути человека, его судьбы (а может быть, и всей России). Пафос произведения – трагический. В художественном пространстве стихотворения выделяются следующие доминирующие образы: метели, вьюги ямщика и барина; злых духов – бесов; колокольчика, дороги.

Народная фантазия часто видела в метели что-то бесовское, колдовское, завораживающее. Метель манит в неведомую даль и грозит гибелью. С первых же строк пушкинского стихотворения мы погружаемся в стихию тревоги и неопределенности. Пейзаж дается через восприятие лирического героя: *Мчатся тучи, вьются тучи; / Невидимкою луна / Освещает снег летучий; / Мутно небо, ночь мутна.*

Картина зимней вьюги находится в состоянии движения, что проявляется в наличии активных глаголов действия – мчатся, вьются, слипает, освещает; в признаках предметов, содержащих действие – летучий, мутна; в именах существительных, обозначающих динамичность – тучи, снег, дороги. Природный мир изображен в таинственном самодвижении. В полной гармонии с пейзажем находятся и чувства лирического героя. В душе его тревога, смутная, неясная тоска, мрак: *Еду, еду в чистом поле; / Колокольчик дин-дин-дин... / Страшно, страшно поневоле / Средь неведомых равнин!* Наречие «страшно» четко обозначены эмоции и ощущения героя. Страх этот не в силах победить даже звук колокольчика, призванного, согласно мифологической традиции, бороться с нечистой силой. Путникам чудятся при неверном свете луны духи, бесы, сбивающие их с верного пути.

Во второй строфе разворачивается диалог путника с ямщиком, усиливающий и нагнетающий ощущение тоски и тревоги. В речи ямщика также чувствуется смятение и испуг:

*«Эй, пошел, ямщик!...» – «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.*

Во фразе ямщика «Нет мочи» передается охватившее людей отчаяние. Герой зачарован жуткими проделками беса, образ которого поражает своей таинственностью и неопределенностью. Во второй – чет-

вертой строфах путь героя напоминает перемещение по замкнутому кругу: «нет мочи», «все дороги занесло», «следа не видно», «в поле бес нас водит, видно», «сил нам нет кружиться доле», «колокольчик вдруг умолк», «кони стали». Здесь же образ беса в определенном смысле принимает более четкие очертания: «...играет, / Дует, плюет на меня / Вон – теперь в овраг толкает / Одичалого коня». Основной образ стихотворения, – это образ «кружения», «снежного вихря»: «В поле бес нас водит, видно, / И кружит по сторонам». Затем образ этот разрастается до бесконечности: «Вижу: духи собралися / Средь белеющих равнин»; «Закружились бесы разны, / Будто листья в ноябре»; «Мчатся бесы рой за роем / В беспредельной вышине». В образе бессмысленного кружения заключена внутренняя тема произведения. Здесь мы можем говорить о символике пушкинского стихотворения. Дорога – это жизненный путь человека, вьюга – его жизненные невзгоды, бесы – человеческие страсти, сбивающие людей с истинного пути, порою безраздельно владеющие человеческими душами.

«Бесы» написаны четырехстопным хореем, восьмистишиями, рифмовка в каждом из четверостиший в восьмистишии – перекрестная. Быстрый темп хорея и симметрическое повторение через каждые две строфы четверостишия: «Мчатся тучи, вьются тучи...» – ил-

люстрируют однообразное кружение метели. Ритм стихотворения, его образы (метели, дороги, беса, волка) воссоздают страшную картину зимней метели, в которой заблудился ямщик и барин. В стихотворении использованы емкие, эмоциональные эпитеты («мутно небо, ночь мутна», «среди неведомых равнин», «одичалого коня», «кони чуткие», «в беспредельной вышине», «визгом жалобным и воем»), повторы, подчеркивающие монотонность и однообразие зимнего пути, и одновременно нарастающий страх героя («еду, еду», колокольчик «дин-дин-дин», «страшно, страшно», «вон, вон»), олицетворения («вьюга злится, вьюга плачет»), метафора («Вьюга мне слышит очи»). Лексика у Пушкина разнообразна: здесь мы находим слова разговорно-бытового стиля («поневоле», «нет мочи», «Хоть убей, следа не видно»), «высокого» стиля («очи», «далече»). Завывание метели передано в «Бесах» аллитерациями. Преобладающие шипящие Ч, Щ, глухие, сонорные в слоговом сочетании с гласной У фонетически дополняют зимний пейзаж («Мчатся тучи, вьются тучи; / Невидимкою луна / Освещает снег летучий; / Мутно небо, ночь мутна...»).

Таким образом, стихотворение «Бесы» представляет собой изображение картины *русской зимы* с ее грозной метелью, а также итог горьких размышлений Пушкина о своем жизненном пути и современной ему России.

Литература

1. Пушкин, А.С. Сочинения: в 3-х т. / А.С. Пушкин. – Минск, 1986. – Т.1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила.
2. Александр Сергеевич Пушкин: школьный энциклопедический словарь; под ред. В. И. Коровина. – М., 1999.
3. Благой, Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830) / Д.Д.Благой. – М., 1967.
4. Болдино. Осень, 1830. Фотолитературная композиция. – М., 1990.
5. Городецкий, Б.П. Дирика Пушкина / Б.П.Городецкий. – М., 1962.
6. Капшай, Н.П. Работа над поэтическим текстом в школе: пособие для учителей общеобразовательных школ / Н.П. Капшай. – Мн., 2001.
7. Коровин, В. И. А.С. Пушкин в жизни и творчестве / В.И. Коровин. – М., 2009.
8. Маймин, Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество / Е.А.Маймин. – М., 1981.
9. Мейлах, Б. С. Пушкин и его эпоха / Б.С.Мейлах. – М., 1967.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И.Ожегов. – М.: Русский язык, 1988.